

Шаяхметова Венера Рюзальевна

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕДНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье представлены структурные и процессуальные особенности социального реформирования в Пермском крае. Исходя из имеющихся результатов, автором обоснована необходимость модернизации системы социального управления для наиболее эффективной борьбы с бедностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 216-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Поэтому в потенции сохранение русского языка как языка повседневного общения, культуры и экономической жизни стран СНГ может способствовать частичной неполитической консолидации постсоветского пространства на основе взаимного интереса и общего культурного наследия.

В описанном выше культурно-историческом контексте представляется, что мысль И. Г. Гердера обретает методологическое значение: если каждый народ «имеет свой национальный склад так же, как он имеет свой национальный язык», то, следовательно, этот склад можно преобразовать, трансформируя язык. Высказывание типа «Эта нация суверенна» только тогда может стать перформативным, если оно произведено на соответствующем языке: он - условие перформативности. Языковая агонистика, таким образом, становится выражением и продолжением политической борьбы и политических реформ.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Язык как инструмент «строительства нации»: постсоветский контекст // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 1. Этничность и политика. С. 204-218.
2. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
3. Доган М., Хигли Дж. Роль политического класса в смене режимов власти // НИИ мировой экономики и международных отношений. М., 1998. № 2. С. 101-108.
4. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве: аналитический обзор // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 49-59.
5. Кудайбергенов Д. Казахстанцы до упаду // Русский Newsweek. М., 2010. № 6 (275). С. 42-44.
6. Месамед В. Центральная Азия: языковые законы, титульные и прочие нации // Новости недели. 1999. 30 сентября.
7. Михальченко В. Ю. Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М.: РАН, 1994. С. 221-235.
8. Перотто М. Язык и образование в постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. М., 2008. № 4. С. 49-64.
9. Тишков В. А. Этнология и политика: статьи: 1989-2004 гг. М.: Наука, 2005. 359 с.
10. Хрусталев М. А. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии // Южный фланг СНГ: Центральная Азия - Кавказ - Кавказ: энергетика и политика. М., 2005. С. 61-62.
11. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. М.: МГУ, 2001. 160 с.
12. Landau J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. 240 p.
13. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore - L.: The John Hopkins Univ., 1996. 480 p.
14. Maurais J. Les lois linguistiques soviétiques de 1989 et 1990 // Revista de Liengua i Dret. 1991. № 15. P. 75-90.
15. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. L.: Sage; International Peace Research Institute; United Nations Research Institute for Social Development, 1997. Vol. XV. 334 p.

THE LANGUAGE FACTOR OF THE POLITICAL PROCESS OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Gul'naz Zinnatullova Shakurova, Junior Researcher
Department of Political Science and Law
Kazan' State Energy University
Shakurova.g@yandex.ru

The goal of this article is studying language factor influence on the political processes of Central Asian countries. The author pays special attention to language and policy interconnection. The problem of state languages status becomes important in connection with the situation of choosing the national future strategy of Central Asian countries.

Key words and phrases: political process; language policy; language planning; Central Asian countries; regional world picture; ethno-language situation; post-soviet space.

УДК 94(470)

В статье представлены структурные и процессуальные особенности социального реформирования в Пермском крае. Исходя из имеющихся результатов, автором обоснована необходимость модернизации системы социального управления для наиболее эффективной борьбы с бедностью.

Ключевые слова и фразы: бедность; человеческий капитал; региональная социальная политика; социальное реформирование; борьба с бедностью.

Венера Рюзальевна Шаяхметова, к.и.н.
Кафедра общей отечественной истории
Пермский государственный университет
perm_venera@mail.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕДНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ®

В современной России решение проблемы бедности населения усилиями социально-ориентированного государства и институтов формирующегося гражданского общества приобретает особое значение. В настоящее время остро востребованы меры по оздоровлению социальной обстановки в стране, поэтому

необходимо критически осмыслить не только социально-экономические аспекты бедности как деструктивного состояния всех сфер общественной жизни, но и опыт деятельности региональных исполнительных органов власти в области решения этой проблемы.

В процессе формирования либеральной модели социального обеспечения федеральный центр постепенно передает ответственность за развитие социальной сферы с необходимым финансированием регионам. Социальные обязательства государства осуществляются в соответствии с категориальной (или статусной) принадлежностью нуждающихся граждан, и социальные трансферты предоставляются в обмен на совпадение всех характеристик претендента с законодательно закрепленными категориями реципиентов.

Пермский край как новый субъект России был создан в декабре 2005 г. в результате слияния Пермской области и Коми-Пермяцкого округа. Социально-экономическое развитие округа характеризовалось низкими денежными доходами, высокими объемами безработицы и неуправляемой смертностью населения. В административном центре округа - в г. Кудымкаре - фактически отсутствовала развитая промышленность, и потому большинство экономически активного населения выживало за счет самозанятости или социальных выплат.

В целом в крае в 2007 г. более 15% населения находилось в состоянии бедности. Малоодоходные группы тратили на покупку продуктов и оплату жилищно-коммунальных услуг до 76% доходов [6]. Отмечалось усиление дифференциации по уровню доходов: если в 2002 г. децильный коэффициент составил 1:10, то в 2005 г., по разным оценкам, вырос до 1:15-24 [3, с. 3].

По сообщениям местных СМИ, край сохраняет ведущие позиции в Межрегиональной ассоциации «Большой Урал» (Свердловская, Оренбургская, Курганская и Челябинская области, Башкортостан и Удмуртия) по ряду таких показателей, как среднесписочная численность работающих, объем платных услуг и номинальная начисленная среднемесячная заработная плата. Но невольно задаешься вопросом: достаточен ли потенциал административных и инновационных ресурсов, на которые ссылаются власть и СМИ, для решения насущных социальных проблем края?

Современное состояние края характеризуется определенным снижением показателей социального благополучия. Власть вкупе с представителями деловых кругов постоянно ищет оптимальные варианты социальных действий. Для детального решения проблем был разработан проект концепции развития Пермского края на период до 2015 г. Одной из его перспективных линий развития, также представленной в докладе губернатора О. А. Чиркунова «Социально-экономическое и политическое положение Пермского края» в марте 2010 г., стал отказ от статуса «Пермский регион - экспортер сырья» в пользу сценария «регион - центр инновационного развития».

Понятно, что инновационный прорыв в ключевых сферах экономики и создание конкурентоспособной среды в крае невозможны без человеческого потенциала - здорового, образованного, социально адаптированного населения. Но несмотря на то, что проблема роста качества жизни населения стала актуальной на всех уровнях управления, при разработке стратегии устойчивого развития региона особый акцент был сделан на экономическое развитие в ущерб задачам реализации социальных реформ.

Степень эффективности заявленных социальных усилий региональной власти можно оценить по разным показателям. Намерение власти достичь «относительно высокого уровня благосостояния» населения вступает в противоречие с фактом резкого снижения покупательной способности зарплат, глубокой дифференциацией в размерах оплаты труда работников. Число граждан, испытывающих материальную нужду, за время реализации социальных программ в регионе не снижается. При росте номинальных денежных доходов населения в 2009 г. на 6,0%, а в январе-сентябре 2010 г. - на 6,4%, реальные (скорректированные на индекс потребительских цен) денежные доходы снизились соответственно на 5,5% [2, с. 1-2] и 0,1% [4, с. 1]. Очевидно, что региональные власти пытаются лишь «подтянуть» реальные доходы населения к темпам инфляции.

С 2005 г. в крае отмечается ухудшение количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов: число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза [1, с. 3]. Причинная структура смертности населения до сих пор не меняется: в ней преобладают отравления и травмы, криминальное поведение (особенно мужчин в возрастных группах 20-55 лет), болезни системы кровообращения и новообразования. В 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости упал до уровня 1,45, в то время как для нормального воспроизводства населения СКР должен был составлять 2,1 [5, с. 195]. Краевой центр г. Пермь утратил статус города-«миллионера», остальные города также не дотягивают до отметки в 100 тыс. жителей. Крайне негативно на социально-экономическом развитии региона отражается половозрастная структура населения, в которой преобладают лица пожилого возраста и сохраняется значительный разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин.

Начиная с 2008 г. в крае отмечается повышение рождаемости, и СМИ связали данный факт с эффектом реализации национального приоритетного проекта (в том числе с выплатами материнского капитала). Эффективности ради необходимо отметить, что в основном повышение рождаемости вызвано не столько этими выплатами, сколько вступлением в детородный возраст многочисленных поколений 80-х гг. Молодые родители, несмотря на федеральные и региональные социальные проекты, зачастую показывают социальную неудовлетворенность, вызванную коммерциализацией услуг образования и здравоохранения, недоступностью дошкольных учреждений и жилищными проблемами.

Краевые власти не бездействуют. Так, семьям, в которых дети не посещают муниципальные детсады, выплачиваются денежные компенсации. Замечено, что на данные выплаты в основном соглашаются

молодые мамы, не имеющие профессиональной подготовки и, соответственно, возможности формировать собственными трудовыми усилиями семейный бюджет.

В дополнение к федеральному проекту «Жилище» была запущена краевая программа «Жилье для молодых». Ее объемы были недостаточны для решения проблемы: так, в 2006 г. около 1 тыс. молодых семей получили материальную поддержку и смогли приобрести собственное жилье и 4 тыс. семей встали в очередь на участие в программе. С учетом этих объемов в 2008 г. было запланировано потратить из краевого бюджета на реализацию программы в 3 раза больше средств (из федерального бюджета - только в 2,2 раза) по сравнению с 2006 г. Непрекращающийся рост цен на жилье фактически свел к минимуму усилия власти, которая в попытках сбить цены разрабатывала варианты консолидации заказов на строительство жилья. В 2007 г. молодые семьи были вынуждены вернуть 149 сертификатов, выданных им на приобретение жилья, по причинам неразвитого рынка жилья в малых городах либо «не подъемно» спекулятивных цен на вторичное жилье.

Ситуация в Пермском крае напоминает иллюстрацию теории «проклятия ресурсов» экономиста Дж. Штиглица, суть которой заключается в том, что регионы, богатые природными ресурсами, часто отстают в социально-экономическом развитии, показывают высокий уровень безработицы и глубокое социальное неравенство. Правящая региональная элита нацелена только на освоение природных ресурсов и получение быстрой прибыли. Проблемы модернизации производства и достижения приемлемого уровня жизни населения элита намерена решать в последнюю очередь.

В структуре доходов Пермского края как региона «донора» преобладают денежные потоки от деятельности добывающих и обрабатывающих отраслей, производства и продажи электроэнергии и газа. Население края не чувствует социального эффекта ни от наличия ресурсного богатства, ни от многочисленных долгосрочных стратегий социально-экономического развития.

Качественным социально-экономическим изменениям препятствует внутрирегиональная асимметрия развития: Пермь - торгово-промышленному центру с многочисленными учреждениями здравоохранения, образования и социальной сферы - противостоит ряд малых городов, в которых отсутствует развитая социальная инфраструктура. Показательна и разница доходов: на территории бывшего Коми-Пермяцкого округа средний уровень оплаты труда примерно в два раза меньше средних показателей по краю, а уровень доходов населения округа только приближается к границам прожиточного минимума.

Решению социальных проблем может помочь точный анализ преимуществ или точек роста, который позволит краевой власти сформировать систему согласованных друг с другом целевых социальных программ. Существует необходимость в широком внедрении инновационных технологий социального управления, ориентированных на стимулирование развития человеческих ресурсов (в т.ч. на создание условий для роста доходов населения), повышение эффективности занятости населения, обеспечение доступных качественных образования и медицинского обслуживания, развитие жилищного строительства и ликвидацию спекулятивного подхода к оценке его стоимости, создание информационной инфраструктуры интегрированной системы адресного взаимодействия органов власти и населения в социальной сфере.

Пермский край для эффективного социального управления нуждается в целевой программе, направленной на минимизацию и преодоление бедности и малообеспеченности. Ее основными принципами должны стать согласованная политика государственных органов, политических организаций, бизнеса и общественных институтов, институционально-процессуальная модель принятия социально-ориентированных решений и развитие регионального нормативно-организационного механизма обеспечения прожиточного минимума.

Список литературы

1. Основные социально-экономические показатели за 2005 год // Капитал Weekly. 2006. Вып. № 55 (554). 15 марта.
2. Пермский край: итоги экономического и социального развития Пермского края в январе-декабре 2009 года // Там же. 2010. Вып. № 55 (952). 10 марта.
3. Пермское обозрение. 2006. 23 августа.
4. Прикамье: девять месяцев одного года: итоги экономического и социального развития Пермского края с января по сентябрь 2010 г. // Там же. Вып. № 88 (985). 10 ноября.
5. Экономическое и социальное положение Пермского края в 2007 году: комплексный доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2008.
6. 15% населения Пермского края живут за чертой бедности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ean66.ru/news/?id=26862> (дата обращения: 11.04.2011).

POVERTY OVERCOMING AS THE STRATEGIC GOAL OF REGIONAL SOCIAL POLICY

Venera Ryuzal'evna Shayakhmetova, Ph. D. in History
Department of General Native History
Perm' State University
perm_venera@mail.ru

The author presents the structural and procedural peculiarities of social reformation within Perm' territory and substantiates the necessity of social management system modernization for the most effective struggle with poverty proceeding from the available results.

Key words and phrases: poverty; human capital; regional social policy; social reforming; struggle with poverty.